

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМ. Г.С.СКОВОРОДЫ

На правах рукописи

МАКСИМЕНКО Василий Федорович

СТРУКТУРНО - ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ
КОНФЛИКТА ПРОЗЫ А.П.ЧЕХОВА

Специальность 10.01.01 - русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Харьков - 1992

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы
Харьковского государственного университета им. А.М.Горького.

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
доцент И.И.МОСКОВКИНА.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Т.П.МАЕВСКАЯ,
кандидат филологических наук,
доцент Н.А.НИКИТЕЛОВА.

Ведущая организация: Донецкий государственный
университет.

Защита состоится " 24 " декабря 1992 г. в 14 часов

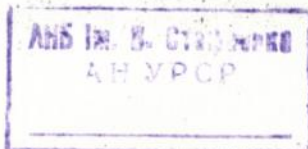
на заседании специализированного совета К ПЗ.24.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Харьковском государственном педагогическом институте им. Г.С.Сквороды /ЗІ0078 г. Харьков, ул. Артема, 29/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Харьковского государственного педагогического института им. Г.С.Сквороды.

Автореферат разослан "21" ноября 1992 г.

Ученый секретарь специализированного ученого совета

В.С.Приходько

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения значение чеховского творческого наследия и сила его воздействия на развитие искусства XX века. Но вслед за признанием и по мере все более глубокого понимания его новаторской сути все чаще звучит мысль о "загадке Чехова", которую еще только предстоит разгадать. Речь идет о тайне мнимой простоты уникальных художественных форм, созданных Чеховым, о все еще не раскрытых глубинах воплощенной в них концепции мира и человека, о возможных путях исследования творческого наследия писателя. Этим и обуславливается актуальность темы диссертации, предполагающей исследование такого важнейшего структурообразующего элемента, каким является художественный конфликт, отражающий фундаментальные свойства миропонимания писателя и не ставший до сих пор предметом обстоятельного анализа.

Целью исследования является уяснение структурно-типологических разновидностей конфликта чеховской прозы, отражающих специфику ее художественных форм и одновременно основных принципов художественной философии писателя.

Задачи исследования: определить характерные типы ситуаций, лежащих в основе коллизий героев и конфликтов чеховских произведений; уяснить влияние этих типов ситуаций на развитие коллизии героев и конфликтов произведений; выявить типологию коллизии героев и структурные разновидности конфликта прозы Чехова; выявить общие закономерности организации конфликта в художественной системе писателя; определить характер взаимосвязи между ситуацией, коллизией, конфликтом и жанровыми особенностями прозы Чехова; на этой основе уточнить некоторые принципы организации его художественного мира, составляющие основу художественной философии писателя; уточнить существующие интерпретации идейно-художественного содержания чеховских произведений.

Объектом исследования послужили прозаические произведения Чехова, опубликованные в 1888-1903 гг. Это время - период расцвета творчества писателя, когда его художественная система может рассматриваться как сложившаяся и утвердившая себя в русской литературе.

Предметом исследования является структура художественного конфликта прозы Чехова этого периода в соотношении с жанровой спецификой его произведений и воплощенной в них концепцией мира и человека.

Методологической основой диссертации являются теоретические разработки ученых в сфере системного анализа, поэтики, художественного метода, жанра.

В основу методики исследования положены принципы целостного и структурно-типологического анализа художественных произведений.

Существующие исследования различных аспектов и разновидностей чеховского конфликта /Н.Я.Берковского, И.А.Гурвича, В.И.Зингермана, В.Я.Линкова, И.Н.Сухих, А.П.Чудакова и др./ позволили составить некоторое представление о его специфике. Однако наблюдения ученых все же не складываются в целостную картину, отражающую типологию и структуру конфликта чеховской прозы. Научная новизна диссертации определяется тем, что на основе существующих теорий конфликта делается попытка специального анализа художественного конфликта чеховской прозы его структуры, закономерностей развития, структурно-типологических разновидностей в соотношении с жанровой спецификой произведений, что позволяет уточнить и углубить на этой основе представления о своеобразии воплощенной в произведениях Чехова концепции мира и человека.

Практическая ценность диссертации состоит в том, что данные, полученные в результате исследования, уточняют представления об идейно-художественном своеобразии творчества Чехова, специфике его художественного конфликта. Методика и результаты исследования могут служить основой для типологического анализа творчества писателя в контексте русской литературы XIX века и рубежа веков. Результаты работы могут найти применение в курсах по истории русской литературы второй половины XIX - начала XX века, спецкурсах и спецсеминарах по творчеству Чехова.

Апробация полученных результатов. Основные положения диссертации были обсуждены на УП Международном конгрессе МАПРЯЛ /секция IV. Русская и советская литература в контексте мировой культуры. Москва, 1990/. Апробация диссертационной работы проведена на кафедре истории русской литературы Харьковского государственного университета им. А.М.Горького.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. Общий объем - 228 страниц машинописного текста. Библиография содержит 185 наименований.

Содержание диссертации. Во введении обосновывается тема

диссертации, раскрывается ее актуальность, определяется научная новизна, намечаются вопросы, подлежащие изучению, пути и методика исследования избранной проблемы, рассмотрены теоретические основы и категории, отражающие специфику подхода к проблеме исследования. Формулируются цели и задачи работы, прослеживается история изучения вопроса и рассматривается его современное состояние. Принятое в диссертации понимание конфликта опирается на теорию конфликта Гегеля, концепцию А.Г. Погрибного и других исследователей. В соответствии с ними конфликт рассматривается как важнейший компонент идейно-художественной структуры произведения, а основными компонентами его структуры являются ситуация и коллизия.

В первой главе - "Человек и действительность в повестях Чехова. История жизни и "проклятый круг" - предложен целостный анализ повестей "Черный монах", "В свраге", рассказа "Ионыч", на основе которого определена разновидность конфликта, свойственная большинству повестей Чехова.

Как показало исследование, развитие коллизий героев и конфликта произведений Чехова в определенной степени "кодируется" лежащей в их основе ситуацией. В повестях и рассказах типа "Ионыч" кодирующим значением, в частности, обладает и сама точка отсчета движения ситуации - переезд героя, предполагающий длительное пребывание в новом для него городе, селе, семье. Развитие ситуации в повестях связано с конкретизацией ближайших по отношению к герою условий - пейзажа, предметного мира, персонажей и т.д. Появление героя в новых обстоятельствах позволяет ему по-новому увидеть образ жизни села, города, семьи, представляющих, как правило, ритуализированные быт, взаимоотношения, мироощущение их обитателей. Столкновение с ритуализированными обстоятельствами становится движущей силой коллизии героя. Знакомство героя с ними составляет основное содержание первого этапа развития конфликта, характеризующегося выраженными центростремительными тенденциями на всех уровнях повествования, акцентом на изображении внешнего мира. Однако уже здесь создаются предпосылки для возникновения противоречия между героем и обстоятельствами. Снижение степени новизны обстоятельств для героя сопрягается с усилением противоречий, необходимостью их разрешения. Этот процесс составляет основное содержание второго этапа развития конфликта, а характер разрешения противоречий - третьего.

В результате исследования конфликта повестей Чехова удалось определить разновидности его структуры, обусловленные спецификой развития ситуаций, движущих сил коллизий, характером разрешения конфликта. В том случае, когда исходная ситуация включает в себя переезд героя, не мотивированный какими-либо мировоззренческими целями /"Ионыч", "Дом с мезонином", "Дама с собачкой" и др./, ее дальнейшее развитие ведет к тому, что под воздействием ближайших обстоятельств формулируется цель будущего действия, реализация которой и становится основой возникновения противоречия между героем и обстоятельствами, выступающего движущей силой коллизий героев и конфликта повести. В случае, когда мотивированная предшествующим "открытием", идеей героя цель действия, с которой он появляется в повествовании, входит в движение конфликта /"Моя жизнь"/ или нейтрализуется и под воздействием ближайших условий формулируется новая цель действия. Ее реализация порождает противоречие и движущие силы коллизий героев и конфликта повести /"Рассказ неизвестного человека"/.

Есть различия и в характере развития коллизий героев и конфликтов произведений, их движущих сил. Так для "Черного монаха", "Моей жизни" и др. характерно наличие противоречия между личными и общепринятыми ценностями, нормами, идеями, т.е. между героем и его представлениями о действительности и самой действительностью. Движущими силами коллизий этого типа может быть отстаивание своей идеи /"Черный монах", "Моя жизнь"/; чувство, вступающее в противоречие с общественной моралью, обретающей статус непреодолимого препятствия /"Дом с мезонином", "Дама с собачкой"/; сословная неприязнь /"Новая дача" и т.п. Основу другого типа коллизий составляют не идеологические, а материально-бытовые противоречия, поскольку ценности героя оказываются сопряженными тому ритуализированному микромиру, в который он попадает. В конфликте же произведений наиболее существенным оказывается противопоставление ценностей ритуализированного быта подлинным целям и смыслу человеческой жизни /"Ионыч", "Убийство", "Мужики", "В овраге"/.

Как правило, в конфликте чеховских повестей сопрягаются коллизии разных типов, существенно осложняемые разнообразными художественными средствами: ситуативными повторами с полярной сменой акцентов, ролей героев /свидания Старцева и Екатерины Ивановны в "Ионыче", взаимоотношения Лаптева и Клии Сер-

геевны в "Трех годах" и др./; сменой центрального героя /"Мужики", "В овраге"/; повторами характерологических, ситуативных и других деталей /"Черный монах", "Ионыч" и др./; незавершенностью коллизий и конфликта /"Дама с собачкой", "Дуэль", "Три года", "Учитель словесности" и др./; различными оппозициями.

Как показало исследование, в чеховских повестях герой появляется как уже вполне сложившаяся личность. Предметом художественного исследования становится эволюционный процесс его адаптации, изменения под влиянием новых обстоятельств, а коллизия героя воссоздает историю его жизни. Внутренний мир героя, его образ жизни меняются постепенно, через серию "частных" открытий. Таким образом, в повестях и рассказах типа "Ионыча" коллизии "прозрения" /"открытия"/ героев вписываются в более емкий, эпический конфликт "человек и действительность". Предметом художественного исследования в них выступают история жизни отдельного героя в сопряжении с состоянием общества, проявляющие родовые свойства и закономерности жизни человека, исторического развития человечества, мироздания в их диалектической взаимосвязи и противоречивости, а также сами категории восприятия и оценок героя и действительности - добра и зла, греха и добродетели, закономерности и абсурда, заблуждений и истины, функционирующие то как субъективные представления героев, то как общепринятые нормы, то как вечные, общечеловеческие ценности в их взаимообусловленности и взаимодействии.

Отмеченные особенности структуры конфликта чеховских повестей позволили уточнить идейно-художественное содержание отдельных произведений, их значение для творчества писателя.

Признание особого значения "Черного монаха" для творчества Чехова сочетается у исследователей с множеством, зачастую противоположных, интерпретаций его идейно-художественных особенностей, а значит и понимания роли и места повести в контексте всего творчества писателя. Представляется, что исследование специфики повести необходимо вести от анализа структуры конфликта к определению функций в нем символических образов Черного монаха и сада, занимающих важное место в авторской концепции повести.

Совмещение в конфликте "Черного монаха" бытового и символического планов повествования порождает философский уро-

вень обобщений, раскрывающий глубинную суть коллизий героев. В столкновении героев и действительности Черный монах и сад, выступая символами полярных представлений о мире, о жизненных целях человека, диктует, в то же время, разные варианты ритуализированного бытия; одинаково губительного и для "идеалиста" Коврина, и для "прагматика" Песоцкого. Абсолютизация идеи и неприятие других подходов к жизни ведут героев к неадекватному восприятию действительности и деформации личности. В "Черном монахе" осознание бездонной сложности человека, исследование восприятия им действительности и "общих идей" сопрягается с изучением самих закономерностей человеческой жизни, бытия. Эти проблемы получили в повести глубокое философское осмысление, а "Черный монах" стал своеобразным итогом предшествующего творчества писателя. В дальнейшем, вплоть до "Архиерея", поиск универсальных закономерностей бытия, взаимосвязей человека и действительности потребовал от писателя более конкретного подхода, усиления социально-психологического аспекта в исследовании явлений действительности.

Традиционно при анализе образа главного героя, конфликта и авторской концепции рассказа "Ионыч" исследователи акцентируют внимание на присутствии в них сатирического начала. Анализ структуры и особенностей развития конфликта позволил существенно скорректировать эти представления.

Появление Старцева в городе С. - "нового" человека в замкнутом, ритуализированном микромире, где жизнь ограничена повторяющимися событиями, - сопрягается с необходимостью определения героем своего отношения к новым для него условиям. Казалось бы другой, по сравнению с "Черным монахом", характер разрешения этого противоречия - адаптации героя, принятие им быта и нравов города С. - приводит, тем не менее, к сходным результатам. Безыдеальное отношение к действительности диктует ту же ритуализированную жизнь, что и идеализированное. Итоговое воплощение образа героя обретает символическое значение: "языческий бог" становится воплощением жизни в "проклятом круге" и, сохраняя элемент сатиричности, олицетворяет трагедию гибели души героя. Коллизия героя запечатлела историю его жизни, процесс деформации личности. В конфликте произведения частная судьба героя соотносится с жизнью семьи, города, разрастается до символа состояния общества, а их сопоставление с общечеловеческими ценностями порождает глубокие

нравственно-философские обобщения. Удивительно лаконичная и, в то же время, многослойная и многозначная художественная структура "Ионича" позволила в жанре рассказа воссоздать содержание, характерное для чеховских повестей.

Существующие интерпретации повести "В овраге" учитывают в основном социально-психологический уровень развития ее конфликта. Между тем, анализ его структуры обнаруживает и иные, более глубокие уровни осмысления. Развитие конфликта повести существенно осложнено наличием разветвленной системы взаимосвязанных коллизий героев, разноплановых оппозиций, что создает стереоскопическую систему точек зрения и оценок, включая и нравственно-философские. Одной из особенностей развития конфликта повести является "обобщенный" характер воссоздаваемой панорамы жизни. Он не связан с каким-либо одним героем или событием, но отражает движение жизни от страшного к бесчеловечному, в которое вовлекаются все герои. Жажда богатства приводит Анисима к ссылке и смерти, Аксинью - к безнаказанному убийству ребенка. Из всемогущего хозяина старик Цыбукин превращается в одинокого нищего. Не в силах противостоять творшемуся злу, уходит из дома Цыбукиных Липа. Бессильны перед страшным напором молодых Цыбукиных и Хрмыных Яков, Вавила и другие герои. Поэтому образ жизни "в овраге", "яме" к финалу повести в полной мере выявляет свое символическое значение, включающее в себя представление не только о ритуализированности жизни села Уклеево, но и его "греховности", несоответствии высшим нравственным ценностям, эстетическим нормам. Грех и совесть, добро и зло, безобразие и красота, бессмысленность жизни и ее тайный смысл являются ведущими мотивами в нравственно-философской проблематике повести. С точки зрения автора, жизнь "в овраге" является злом, болезнью. В том, что они существуют, виноваты все. Но, быть может, эта болезнь послана даром и имеет, в конечном счете, высшие, благие цели.

Во второй главе - "Человек и неслучайная случайность в рассказах и новеллах" - на основе целостного анализа двух, на наш взгляд, репрезентативных произведений - "Страх" и "Случай из практики" - рассмотрены структурно-типологические разновидности конфликта рассказов и новелл писателя.

Как показало исследование, их своеобразие обусловлено спецификой структуры конфликта. В отличие от повестей, в рассказах и новеллах более важную роль в "прогнозировании" и

увеличения содержательной емкости конфликта играет предистория. Как и в повестях, коллизии героев часто развиваются на фоне жизни семьи /"Страх", "Воры", "Соседи", "В усадьбе", "Печенег", "Случай из практики", "У знакомых"/, однако их сюжет ограничен развитием и завершением одного эпизода из жизни героя. Точками отсчета в движении ситуации и внешним поводом для развития коллизий героев и конфликтов произведений в рассказах и новеллах чаще всего являются визиты героев и их поездки по служебным делам. При этом встреча героев чаще всего сопряжена с неожиданным и, как правило, неприятным происшествием, которое обостряет противоречия между ними. Идеологические разногласия героев завершаются их взаимонепониманием и отчуждением /"Страх", "Воры", "Печенег", "У знакомых" и др./. Новые обстоятельства могут стать поводом для глубоких лирико-психологических коллизий героев, особую роль в мотивации и развитии которых играет предистория, сопоставление прошлого и настоящего в судьбе героев /"На подводе"/, или попытка обобщить разнородные явления действительности и определить свое место в ней /"По делам службы"/.

Как и в повестях, в чеховских рассказах и новеллах присутствуют два основных типа взаимосвязи ситуации, коллизии и конфликта. В первом типе цель действия, содержащаяся в исходной ситуации, входит в движение конфликта и в значительной степени прогнозирует его развитие и разрешение /"Случай из практики", "У знакомых"/; во втором - выступает только внешним поводом для коллизий и конфликта, развитие которых происходит на другой основе. Ближайшие обстоятельства становятся толчком для неожиданных событий и поворотов в развитии коллизий героев.

Внутренняя мотивация цели действия, содержащаяся в исходной ситуации, более вариативна по сравнению с типами внешних физических поводов к действию. Это обуславливает высокую степень индивидуализированности коллизий героев. Однако в них просматриваются и общие мотивы, выступающие движущей силой их развития: ложные идеи, сопрягающиеся с взаимонепониманием героев /"В усадьбе", "Печенег" и др./; сознательное нарушение общепринятых норм /"Страх", "Соседи", "Воры"/; коллизии открытая /"На подводе", "По делам службы"/ и др. Подобные классификации типов коллизий героев могут быть весьма разнообразными. Существенным при этом представляется тот факт, что они имеют

сложный характер и несводимы к какому-либо одному признаку.

В рассказах и новеллах Чехова сцепление разных типов исходных ситуаций и коллизий героев приводит к возникновению качественно нового, многогранного конфликта, выходящего за рамки коллизий героев, содержащего оценки и обобщения нравственно-философского уровня.

Степень новеллистичности жанровой структуры рассмотренных произведений различна. Новеллистическое начало проявляется прежде всего на уровне коллизий героев и связано с разрушением, нейтрализацией содержащейся в исходной ситуации цели действия и, соответственно, "прогноза" будущих событий. Это сопрягается с неожиданными поворотами в развитии коллизий героев /чаще всего это случайная встреча с другими персонажами, вызванная непредвиденными обстоятельствами/. В конфликте произведения новеллистическое начало существенно сглаживает-ся благодаря наличию предыстории героев, сопряжению разных типов коллизий, сопоставлению представлений, поведения, характеров, биографий героев, что позволяет укрупнить значение повествования об одном эпизоде до масштабов жизни героя. Преобладание в коллизиях идеологических противоречий, "открытий" сопрягается с доминирующим в конфликте воссозданием противоречий между человеком и действительностью, эволюционным характером происходящих с героями изменений.

Традиционно в "Страхе" в качестве основной идеи выделяется страх героев перед непонятной жизнью, а само произведение противопоставляется оптимистической концепции мира, воплощенной в "Студенте", и рассматривается как противоположный полюс чеховского творчества. Как показал анализ "Страха", такой вывод основывается на отождествлении коллизии "открытия" героя с конфликтом новеллы в целом. Между тем, как оказалось, в ее основе лежит более емкий конфликт между человеком и действительностью, что существенно уточняет интерпретацию авторской позиции.

Развитие ситуации, включающей предысторию героев, дает представление о них как о сложившихся личностях с собственной биографией, характером, образом жизни, мировосприятием. В ней воссоздаются и истоки конфликта, основу которого составляет неудовлетворенность героев жизнью, вырастающая у каждого по-своему из противоречий с обстоятельствами, действительностью. Новеллистическое разрешение коллизий героев сопряжено

с сохранением ими доминант внутреннего мира, образа жизни: Силин по-прежнему боится жизни, Мария Сергеевна по-прежнему живет с нелюбимым мужем; как и прежде, герой-рассказчик не способен отдаваться чему-либо полностью, будь то любовь, дружба или страх, и уезжает в Петербург, откуда когда-то приехал. Как и в повестях, в конфликте "Страха" "общая идея" обнаруживает свою относительность, а следование ей героя оборачивается ритуализацией образа жизни и стереотипами мировосприятия. В то же время страх жизни, вырастающий в финале до символа ее абсурдности, сопряжен с философским осмыслением не только возможностей познания человеком действительности, но и наличия самих закономерностей бытия, разумности мироустройства. Таким образом, в новелле "Страх" воплощен еще один, чрезвычайно важный аспект художественной картины мира и философии Чехова. Причем степень их трагедийности оказалась гораздо большей, чем это было принято считать до сих пор.

В рассказе "Случай из практики" исследователи выделяют, как правило, социально-психологический план изображения героя и действительности. Анализ структуры конфликта позволил выявить в "Случае из практики" достаточно сложную коллизию "прозрения", возникающую на основе и во взаимодействии с многоплановым конфликтом между человеком и действительностью, имеющим и философский уровень осмысления. Особую роль в развитии и разрешении коллизии героя и конфликта рассказа играет сочетание случайного и неслучайного. Неслучайный вывод о дьяволе, господствующем над фабрикой и хозяевами, делает "случайный" на фабрике герой. Сам вывод, основанный на предварительных предположениях и случайных первых впечатлениях, кажется неотвратившимся. В то же время непредвиденной для героя оказывается возможность человеческого общения и взаимопонимания с "хозяевами" фабрики, ставшая для него подлинным открытием, сделанным на основании личного опыта. Образ дьявола, выступающий воплощением силы, стоящей над людьми, диктующей "случайный" образ жизни, "случайную" культуру, выходит за рамки фабричной жизни, отражая и состояние общества, и миросостояния в целом. Причем власть дьявола, видимо, будет еще долго распространяться и на будущее мироустройство.

Третья глава - "Человек перед вопросом в произведениях с внутренним рассказом" - посвящена анализу произведений с внутренним рассказом - новеллы "Студент" и рассказов, входя-

щих в "маленькую трилогию" /"Человек в футляре", "Крыжовник", "О любви"/, конфликты которых образуют "метаконфликт" цикла.

Анализ позволил установить некоторые общие закономерности организации их художественного конфликта. Одним из компонентов ситуации, из которой развивается конфликт, является встреча незнакомых или малознакомых героев. Внимание акцентируется на подчеркнуто ближайших к ним условиях, которые, во взаимосвязи с их внутренним состоянием, мотивируют появление проблемы, связанной с осмыслением окружающего их мира. Исследование возникшей проблемы ведется во внутреннем рассказе, представляющем собой легенду, эпизод или историю жизни, посредством которой герой-рассказчик излагает свои представления о действительности. Конфликт внутреннего рассказа может включать в себя, с одной стороны, коллизию "прозрения" героя-рассказчика, а с другой - эпическое повествование об истории его жизни, в котором отражается характер миросостояния в целом. На этой основе в конфликте произведения возникают и взаимодействуют две основные тенденции. Одна из них - гносеологический процесс осмысления действительности - способствует концентрации идейно-тематической сферы конфликта вокруг достаточно определенной проблемы, в разрешение которой вовлечены все герои. Другая включает в себя онтологический аспект, где истории жизни героев становятся основой исследования закономерностей человеческой жизни, взаимосвязей человека и действительности на высоком нравственно-философском уровне.

Соприятие в художественном конфликте содержания обрамляющего и внутреннего рассказов, многозначность проблемы, наличие разноплановых оппозиций, повторов, дистанции между героями и повествователем, стереоскопической системы точек зрения и т.д. являются способами воплощения многозначного художественного конфликта произведений с внутренним рассказом. Эти и другие особенности структуры конфликта являются общими для таких, казалось бы разных, произведений, как "Студент" и рассказы "маленькой трилогии".

"Студент" по праву считается одним из этапных для творчества Чехова произведений. В то же время его интерпретации ограничиваются, как правило, анализом гносеологической коллизии "открытия" героя, зачастую отождествляемой с авторской позицией.

Особенностью художественного конфликта новеллы является

сопряжение в нем конкретно-бытового плана изображения героя и окружающего его мира и развивающейся на этом фоне нравственно-психологической коллизии "прозрения" героя, с конфликтом евангельской легенды об Иисусе и Петре. Поэтому, казалось бы, личное "открытие" героя о "правде и красоте, направляющих человеческую жизнь", обнаруживает многозначность и получает статус "общей идеи". Масштабность восприятия мира, глубина нравственно-философских обобщений в коллизии героя сохраняются и в конфликте, где акцент переносится, однако, на изображение взаимосвязей мира и человека. Несовпадение позиций героя и повествователя, настроенного более скептически, не отменяет "открытия" ключей "высокого смысла" и разумной целенаправленности в жизни человечества, каждого человека и его лично, не разрушает гармонизирующее начало в характере взаимосвязей героя и действительности. Повествователь лишь ограничивает сферу действия этого "открытия" прекрасными мгновениями, которые дарует человеку молодость.

Исследование рассказов "маленькой трилогии" и цикла в целом ограничивается, как правило, проблемой "футлярности" личности, ее социально-психологическим аспектом, выделением в двух первых рассказах сатирического начала. Между тем, анализ конфликта рассказов позволяет уточнить не только идейно-художественные особенности этих произведений, но и глубинные особенности "метаконфликта" цикла.

Как и в "Студенте", в рассказах трилогии ближайшие обстоятельства во взаимосвязи с внутренним состоянием героя порождают проблему, связанную с осмыслением взаимосвязей человека и действительности, которую герой пытается разрешить, опираясь на эпизод или историю своей жизни. При этом сама проблема носит онтологический характер, а способ ее разрешения - гносеологический. Такой подход в "Студенте" и в рассказах трилогии получает разное фабульное развитие при входном типе конфликта.

Уже в "Человеке в футляре" исходная ситуация /в частности, история Мавры/ задает особый угол зрения на героев и события, сохраняющийся во всем цикле, - проблема "футлярности", отшельничества возникает как философское осмысление родовых /генетических/ свойств человека и его жизни. Герой-рассказчик излагает свое понимание проблемы с позиции "объективного" наблюдателя на примере истории жизни своего коллеги Великова.

Корни "отшельничества" Буркин усматривает как в социуме, так и в природе человека, стремящегося защититься от влияния пугающей его действительности. Непонятная действительность раздражает, держит человека в постоянной тревоге и страхе, а это, в свою очередь, рождает не только "футляр", но и агрессивное желание ответной реакции. Поэтому Беликов так деспотичен по отношению к ученикам, коллегам и всем обитателям города. Однако после смерти Беликова в городе "не стало лучше", т.к. охарактеризованный комплекс в той или иной степени оказался присущ всем остальным жителям города. Правда, Буркин не распространяет этот вывод на себя, его делает слушатель истории о "человеке в футляре" - Иван Иванович: "все мы в футляре".

В конфликте рассказа беликовщина как феномен, механизм ее распространения, способность внутренне свободной личности сопротивляться гипнозу общественного мнения, общих идей и, в то же время, невозможность изменения массовой психологии являются важнейшими аспектами исследуемой проблемы, отражающими глубинные свойства человеческой природы.

В "Крыжовнике" дальнейшее осмысление проблемы ведется на более личностном материале. Герой-рассказчик /Иван Иванович/ излагает и аргументирует свою точку зрения, опираясь на историю жизни брата, достигшего желанной цели своей жизни. Зрелище счастливого человека, сумевшего гармонизировать свои отношения с действительностью, стало толчком к "прозрению" героя: всякая гармония ложна, а счастье безнравственно, так как всегда основывается на несчастье ближних и дальних. Смысл и цель жизни человека, если они есть, "в чем-то более разумном и великом", может быть, в добре. В конфликте рассказа точка зрения героя-рассказчика, его выводы теряют свою однозначность; скрытая оппозиция со стороны слушателей, осложнение коллизии героя-рассказчика неосознаваемыми им противоречиями в его отношении к действительности /оппозиция "слово" - "дело"/ обнаруживают относительную истинность его представлений о действительности. В то же время сама проблема получает в конфликте новый, индивидуализированный подход и наполнение.

В рассказе "О любви" исследование проблемы взаимоотношений человека и действительности максимально индивидуализируется. Исследователи, как правило, акцентируют внимание на истории любви Алехина. Однако она является лишь составной частью более общей истории о прожитой им "чужой" жизни. Испо-

ведь героя сопрягает коллизию "прозрения" с историей жизни, в которой на глубоко личностном уровне отражены закономерности человеческого существования, а позиции героев и повествователя максимально сближаются, объединяются перед великой тайной человеческого бытия.

Таким образом, в "метако́нфликте" трилогии исследование родовых свойств человека и его взаимосвязей с действительностью ведется от общего к индивидуальному - от социума к личности, от "объективного" наблюдения к лирической исповеди, от открытой противоречивости "общих идей" героев к сближению позиций повествователя и героев перед великой тайной бытия. В процессе осмысления проблемы вовлекаются все герои. Относительная истинность их представлений о действительности сопрягается в "метако́нфликте" цикла с историями их жизни, дающих представление об истинном характере взаимосвязей человека и действительности. Трагизм положения человека предопределяется как несовершенством его природы, так и неизбежностью включения в "проклятый круг" деформирующих его личность обстоятельств, стереотипов мышления, образа жизни, взаимоотношений, из которых потом уже нельзя выбраться.

В четвертой главе - "Человек и бытие. Новелла "Архиерей" как итог творчества Чехова" - предложен целостный анализ новеллы "Архиерей", одного из самых совершенных, итоговых творений писателя. Несмотря на высокую оценку исследователей, "Архиерей" изучен явно недостаточно. Между тем его художественное совершенство и итоговость запечатленной в нем концепции мира и человека заслуживают самого пристального внимания. Отличительной особенностью "Архиерея" является чрезвычайно масштабный конфликт. Уже исходная ситуация - встреча сына с матерью во время всеобщей - задает тональность и глубину осмысления событий и героев, которых не было в предшествующих произведениях Чехова, и становится основой подтекста, являющегося важнейшим компонентом конфликта и открытого финала новеллы. В ней изначально предвосхищается характер будущих взаимоотношений героев, уровни повествования, разрешение конфликта, что свидетельствует о сложном характере "кода", обусловленного многоплановостью структуры конфликта.

Коллизии героев /архиерея, матери, отца Сисоя/ развиваются синхронно, взаимодействуя, и, в то же время, подчиняясь собственной логике развития. Одной из важных особенностей

тей новеллы является ретроспективное представление ситуации в коллизиях героев. На их сопряжении возникает и пред- история, воссоздающая историю жизни каждого из героев, имеющих доста- точную самооценку, и, одновременно, мотивация будущих про- тиворечий в коллизиях героев.

Сходные свойства проявляются и в развитии коллизии глав- ного героя. Прошлое и настоящее, люди и события, мимолетные мысли и обиденные заботы - все объединяется единым настрое- нием, мировосприятием героя. Доминирует не какая-либо мысль или событие, будь то приезд матери или церковная служба, а настроение, состояние души героя в соотнесенности с окружаю- щей жизнью, настоящим и прошлым, в котором сливаются воедино реальное и ирреальное, мгновение бытия и ощущение бытия. По- добное всеединство парадоксально сочетается с разобщенностью героя с окружающей жизнью, с его безысходным одиночеством.

Конфликт новеллы оказывается связанным не с отдельными эпизодами или героем, а с историями жизни нескольких героев, очень разных, но предельно одиноких, что становится основой для нового, более высокого уровня обобщений. В мире тотальной отчужденности и "сиротства" наиболее одинокими оказываются такие неординарные личности, как архиерей. Достижение полноты жизни и осуществление своей личности оборачивается для героя отчуждением от действительности. На этом фоне соотнесение ис- тории жизни главного героя с судьбой Христа, последних дней жизни сына человеческого и божьего, их единства и разобщен- ности с окружающей жизнью и людьми на пороге великой, лежащей вне земной жизни тайны, становится основой развития многознач- ного и многогранного конфликта. Жизнь и смерть, смерть и вос- кресение, память и забвение оказываются рядом, сосуществуют как нерушимый закон и тайна бытия.

В итоговой новелле Чехова проблема смысла жизни человека, целенаправленности или абсурдности бытия предстают как нераз- решимые в земных пределах и категориях. Лишь в предсмертном видении герой воспринимает смерть как счастье освобождения от всего земного, чуждого его личности, как обретение своего истинного "я". Поэтому смерть и забвение архиерея в финале новеллы сопрягаются с торжеством воскресения - праздником Пас- хи - не только сына божеского, но и человеческого. В то же время, праздник воскресения оборачивается равнодушием по от- ношению к ушедшему из земной жизни человеку и в конце концов

его полным забвением. Новелла Чехова, как ни одно другое его произведение, окончательно и во всей глубине обнажила трагическую неразрешимость "проклятых вопросов" смысла и цели человеческого пребывания на земле, его места и роли в мироздании, и, одновременно, восславил неиссякаемую силу жизни.

В заключении даются основные обобщения и выводы, касающиеся художественного конфликта прозы Чехова. Результаты анализа свидетельствуют прежде всего о двух фундаментальных свойствах художественного конфликта прозы Чехова - высокой степени его внутренней целостности и своеобразия и, в то же время, динамичности, многозначности его составляющих. Характер взаимодействия этих свойств имеет важное структуро- и жанрообразующее значение. Как показало исследование, для прозы Чехова характерны несколько основных типов структурных разновидностей конфликта, соотносимых с жанровой спецификой его произведений. Определяющими в этих разновидностях являются свойства и функции его компонентов и характер их взаимосвязи в конфликте. Их исследование позволило, в частности, установить гораздо более высокую степень новеллистичности чеховской прозы, чем это считалось до сих пор, показать "механизм" организации чрезвычайно ёмкого, многослойного художественного конфликта.

Исследование позволило установить, что коллизия "прозрения", "открытия" героя разбивается на основе доминирующего и более ёмкого конфликта "человек и действительность", обладающего глубокими нравственно-философскими обобщениями и сопряженного с онтологическим аспектом художественной философии Чехова. Реализация этого конфликта в разных формах малой прозы - повестях, рассказах, новеллах, цикле рассказов - позволяет говорить о гораздо более высокой степени философичности чеховской прозы, чем это считалось до сих пор. При этом многоплановый чеховский конфликт часто обретает символическое значение, что связывает его с литературой конца XIX - начала XX века, однако, в отличие от символистов, имеет другую философскую основу. Анализ прозы Чехова позволил обнаружить сферу достаточно устойчивых философских проблем, ставших предметом художественного исследования писателя. Это проблемы смысла и цели жизни человека и человечества; абсурдности, хаотичности или разумной целенаправленности и закономерности бытия и мироздания; способностей человека в познании этих тайн;

его адаптации к непонятной и пугающей жизни и др. Решая эти вопросы, Чехов воссоздавал различные ракурсы конфликта "человек и действительность", что в совокупности сложилось в завершенную художественную картину мира и систему художественной философии.

Земное /временное, историческое, социальное, психологическое/ существование человека предстало у Чехова как момент вечной жизни человечества, природы, мироздания. Лишь в редчайшие мгновения взлетов своего духа человек способен соприкоснуться с Красотой, Гармонией и Вечностью, являющимися неотъемлемыми атрибутами мироустройства. В остальное время человек обречен на "чужую", "случайную", абсурдную и потому непонятную, страшную и мучительную-жизнь в "заколдованном круге", выхода из которого в земных пределах в ближайшем обозримом будущем не предвиделось. В конце творческого пути у Чехова зазвучал мотив надежды на возможность обретения вечной свободы, гармонии и истины в посмертии. Однако он не снял трагичности всех предыдущих выводов.

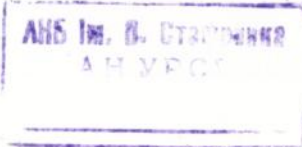
Проведенный анализ художественного конфликта прозы Чехова, идейно-художественных особенностей его произведений не исчерпывает, естественно, всего разнообразия творчества писателя, однако дает представление о специфике его художественного конфликта, создает предпосылки для изучения его художественной философии. Особый интерес в связи с этим представляет исследование творчества Чехова в контексте русской литературы рубежа веков.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях;

1. Проблема личности в повести А.П.Чехова "Черный монах" // Вопросы русской литературы. - 1988. - № 5. - С. 83 - 89.

2. Развитие реализма в русской литературе XIX века // Русский язык и литература в общении народов мира: Проблемы функционирования и преподавания. УП Международный конгресс МАПРЯЛ. - М., 1990. - Кн. 2. - С. 64.

Мария

469068

АВ 26.156

Подп. к печ. 18.11.92. Формат 60×84^{1/16}. Бумага тип. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10
Уч.-изд. л. 10 Тираж 100 экз. Зак. № 16047 Бесплатно.

Харьковское межвузовское арендное полиграфическое предприятие.
310093, Харьков, ул. Свердлова, 115.